

Я.Э. Мановас

«Я есть другое» (Хайдеггер и Федье)

Мановас Янина Эдуардовна – аспирантка сектора истории западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: yanina-manovas@yandex.ru

В статье делается попытка проследить не всегда явную взаимосвязь мыслей, высказанных в эссе Ф. Федье «Голос друга», с философией Хайдеггера. Феномен дружбы рассматривается в контексте вопроса о бытии. Природа «я» – двойная, двоичность – его измерение, оно всегда в различении между «мною» и мной, оно в себе другое себе. Есть два вида рефлексивности: эгоцентрическая, направленная к себе как безусловному центру, и неэгоцентрическая, направленная к тому, что за пределами сферы эго, к *другому* в нас. В голосе друга слышен голос *другого* всему, которое говорит себя в нас; через другое всему, которое в нас, мы слышим другое в голосе друга. Мы совпадаем с собой, насколько способны слышать этот голос.

Ключевые слова: друг, дружба, другое, свое, бытие, голос, слышание, свобода

Книга Франсуа Федье «Голос друга» является, собственно, приглашением к чтению Хайдеггера. Это не попытка объяснить, «что написано у Хайдеггера», а создание контекста, в котором становится видна воронка, втягивающая в основной хайдеггеровский вопрос. Она может быть вполне понята только из причастности этому вопросу, пространству этого вопроса. Она освещает подступы к тому, что только и способно осветить ее. Ее задача – подвести к пониманию того, что сделает ее понятной. Она – указание на то, что в ней самой *не* раскрывается. Она не «раскрывает» тему, а к ней отсылает.

Эта книга – не столько «комментарий к...», сколько иносказание слов Хайдеггера из «Бытия и времени»: «Слышание конституирует даже первичную и собственную открытость присутствия для его самого своего умения быть в качестве слышания голоса друга, которого всякое присутствие носит с собой» [Хайдеггер, 1997, с. 163].

Рассматривать феномен дружбы в свете этих слов Хайдеггера – значит выйти за пределы ее чисто антропологического аспекта. Федье неявно выходит за эти пределы. Насколько он за них выходит, в книге напрямую не показано и очевидным становится только из хайдеггеровского контекста, к которому она отсылает.

Почему опыт подлинной дружбы настолько необыден, откуда его освобождающая сила? Что каждого из друзей «голос друга призывает достичь себя самого»

[Федье, 2010, с. 35], что «призыв друга необходим, чтобы мы вновь пришли к единству с собой» [там же, с. 38], – загадочно ясно и одновременно темно. Что значит «себя», «с собой»? Хайдеггер связывает «друга, которого всякое присутствие носит с собой», и «самое свое умение быть».

Все это как-то непосредственно – хотя и смутно – понятно. И непосредственность, и смутность этой понятности неслучайны. Здесь вступает в игру то, что всегда как-то уже понято («себя»), но (или: и именно потому) остается за кадром понимания. Что значит быть собой – непосредственно и смутно понятно, понято, но эта понятность сама не попадает в поле зрения, она как нечто уже состоявшееся, как нечто само собой разумеющееся отодвинуто в тень.

Это неопределимая определенность, которая многое определяет. Мы отличаем «быть собой» от «не быть собой». «Я не могу здесь быть собой» – это очень определенно почувствуешь, не определяя, что значит «быть собой». «Я хочу быть собой» – как потребность во вдохе, вдох просто нужен, без определения, что такое дыхание и зачем оно. Дышащему нужен вдох, иначе его *не будет*. «Быть собой» – нужно как воздух, ведь иначе – «не быть собой» – не быть, небытие, без определения, что такое «собой» и «бытие».

Здесь речь идет не об эготических определенностях «проекта самого себя» (они подвижны, непостоянны), а о том, что значит «собой» само по себе и как оно связано с бытием.

Их роднит латентная понятность, имплицитная определенность. По Хайдеггеру («Бытие и время») [Хайдеггер, 1997, с. 12], мы всегда уже как-то понимаем, что такое бытие, но это понимание имплицитное и обычно не эксплицируемое. «Собой» так же определенно понятно в своей смутной неопределимости (отсюда обычная человеческая потребность «определиться»)...

«Бытие собой» Федье понимает не в эгоцентрическом смысле: «“Наше” существо не ограничивается тесной сферой эго, но изначально выходит за ее пределы. В этом “за пределами” и располагается место друга» [Федье, 2010, с. 69–70]. Обратим внимание на кавычки при слове «наше». То, что выходит за пределы эго, – наше *и* не наше. Если выход за пределы эго – изначален, то «наше» существо изначально двойственно.

Федье говорит о двойной природе «я» и о двух видах рефлексивности. Первая, эгоцентрическая, – обращение «я» на себя, к себе как безусловному и «окончательному» центру. Другая рефлексивность, неэгоцентрическая, «изначально располагается где-то в стороне от этой локализации, точнее, она удерживается вне вовлеченности в это непрерывное движение к “окончательности” центра. Эта другая рефлексивность дает, таким образом, место для совпадения совсем иного рода, чем совпадение “меня” с самим собой» [там же, с. 61].

Природа «я» – двойная, двоичность – его измерение, оно всегда в различии между «мною» и мной, оно в себе другое себе. Федье цитирует труднопереводимые слова Артюра Рембо «Je est un autre». Я есть *другое*. И это другое «не другое, чем я, а другое, чем все вообще на свете». Здесь Федье почти цитирует Хайдеггера, но не «Бытие и время», а поздний текст «К вопросу о бытии»: «Человек держит свободным место для другого сущему» [Heidegger, 1976, S. 419]. Это другое сущему – бытие и ничто как другое лицо бытия, так как бытие – ничто из сущего. «Человек – держатель места ничто» [ibid., S. 419]. Где это место ничто и как человек его держит?

Вернемся к Федье: «Ибо неповторимость этого голоса в том, что его колебания, приходя из пустоты воистину необычайной, которая заключает в себе все мое истинное “я”, вызывают резонанс в той же пустоте, заключенной в сердце другого человека» [Федье, 2010, с. 70]. Вводит в заблуждение конвенциональная метафора, выражение «в сердце»: как будто это две пустые камеры, в них две пустоты, и эти

две пустоты друг с другом общаются. Эта пустота (ничто как другое всему) – не то, что где-то «внутри», она скорее то, во что общающиеся в-пущены, она не вакуум, а в-пускающий простор, отпускающий на свободу. (К вопросу о том, где эта пустота, мы вернемся.)

Это другое всему есть *свое* [там же, с. 67]. Свое не в смысле индивидуального, частного, так же как «я» не в эгоцентрическом смысле. Свое здесь в смысле свободы. На русском «свое» и «свобода» однокоренные слова. Фейде об этом не пишет, но он пишет о другой связи: frei – Freund, free – friend. В единый узел связаны: свое (другое всему существу), свобода (ты в своей сути), друг как другой, открывающий мне мое другое (мое свое как мое другое) и открываемый мне моим другим. И это другое – свое обоим, свое в смысле совпадения со своим существом, которое есть держание свободным места для другого всему. Слышать голос, говорящий из пустоты, другой всему можешь в той мере, в какой держится открытым место для другого всему.

Я являюсь собой в той мере, в какой способен слышать голос другого/Другого всему. Насколько я могу слышать Другое в себе, я могу узнать это свое в другом (расслышать свою свободу в другом). Другое всему – бытие и ничто как его завеса.

Воронка вопроса о бытии втягивает в себя все сущее, приводит его в движение, сдвигая все с пазов. Тогда всякое решение о том, что есть сущее (т. е. в чем его бытие) – *под вопросом* о бытии. «Что есть сущее?» – вопрос о сущем. Всякий ответ, «закрывающий» вопрос, располагается в открытом пространстве возможных ответов. Эта открытость вопроса, допускающая ответы, – *просвет* бытия. Вопрос о бытии – вопрос о самом этом просвете. Не «что он такое»: он не «что», а пространство всякого «что», не конфигурация, а возможность конфигураций, не рисунок, а возможность рисунков, набросков. Всякий ответ на вопрос «что есть сущее» – *под вопросом* о бытии, всякая объясненность сущего под вопросом, под ударом необъясненности бытия и этим ударом всегда заранее подорвана. Провал другого всему делает все объяснения всего, «всеобщие теории всего» неокончательными, ведь кроме «всего» *есть* другое всему. Это другое не дает замкнуть и запечатать все окончательным объяснением, печатью «что», оно возвращает *к себе*, в просвет необъясненности.

Свобода – причастность вопросу о бытии, другому, сдвигающему все с пазов, снимающему с якоря. Она смещенность в простор, в пустоту как полноту простора. Так у Хайдеггера: «Пустота есть... собственно полнота еще-не-решенного, ждущего решения, бездонное...» [Heidegger, 1989, S. 382].

«Быть свободным – дело двоичности» [Фейде, 2010, с. 76]. В человеке кроме этого и его проектов *есть* этот просвет исходной возможности, не той или иной возможности, а *самой своей* бытийной возможности – бытия-просветом (Da-sein), в котором его существо словно снято с якорей. Это *другое* человека, другое в человеке, бытие-(просветом)-вот, бытие местом другого всему.

Вопрос Хайдеггера «Как нам самим *быть*, если мы не *есть* мы *сами*?» [Heidegger, 1989, S. 50], в котором выделены курсивом *быть* и *сами*, связывает в один узел бытие и самость, они вместе под вопросом. Самость в человеке – то, что дает место-пристанище другому всему. Она определяется из этого отношения к другому всему. Двоичность человеческого существа в том, что человек – сущее среди сущего (и принадлежит бытию, как всякое сущее) и, кроме того, он – держатель места бытия, страж открытого просвета вопроса о бытии [ibid., S. 500].

Свобода – дело двоичности, т. е. причастности человека как сущего человеку как вместителю бытия, открытости вопроса о бытии. Несвобода *есть* закрываться от этого другого в себе. Быть собой (не в эгоцентрическом смысле) – значит не терять коммуникации с этим опасным и спасительным другим в себе, который

не отождествим ни с каким сущим и потому подрывает всякое мое эгоцентрическое самоотождествление, безусловно отказывает в безусловности всем моим проектам себя и всеобщим схемам всего (если *есть* другое всему, то всеобщая схема охватывает не все).

«Если мы не есть мы *сами*» – если мы закрыли или нам закрыт доступ к другому всему в себе, к своему настоящему существу. «Как нам самим *быть*» – ведь мы не есть, когда мы не есть мы сами.

В голосе друга слышен голос *другого всему*, которое выговаривает себя в нас; через другое всему, которое в нас, мы слышим другое в голосе друга. Это другое – третье, в котором общаемся мы оба. Это не пустота, которая в сердце, где-то внутри, а стихия общения. Единство друг с другом через другое всему – самое прочное. Единства, которые через то, что внутри *всего*, – идеологические, культурные и т. д. – объединяют условно и одновременно разобщают, так как всякое такое единство существует за счет розни по отношению к другому единству.

Единство через *другое всему* – через причастность *вопросу*, не обязательно явно поставленному, через разделение открытости, неокончателности как человеческой ситуации. Утверждение (постулат, ответ, закрывающий вопрос) имеет своим коррелятом отрицание; всякой позиции (внутри *всего*, внутри сущего) соответствует негация, оппозиция. Причастность другому всему – исходная *ситуация* человека. Позиции, занимаемые им внутри сущего, – вторичны по отношению к ней.

Итак, мы слышим другого через другое в себе и другое в себе через другого. Мы совпадаем с собой, насколько способны слышать этот голос. Это неэгоцентрическое совпадение с собой, *другая рефлексивность*, совпадение со своей свободой.

Друзья внимают другому друг *сквозь* друга («сквозь» позволяет избежать вводящего в заблуждение «в»). Один для другого окно, просвет в другое. Друзья внимают друг *сквозь* друга другому, и оба вмещены сквозным просветом внимания. Человек человеку – кто? «Кто» неопределимо, всякое определение будет чтойностью. Человек *может* стать другому брешью в стене, проемом в открытое, «сквозняком трансценденции», *собой* являя ему *его* настоящее существо, с которым он может быть незнаком, из которого выпал в самоискажение, которое стерто из памяти и ему в себе неузнаваемо. Внимать этому в другом – и не все ли равно, в ком этот просвет, через кого он виден и светит, если он виден мне через другого – светит в меня через другого – он открыт и мне (значит, и «во» мне), значит, и я в него впущен. Друг мне дверь в меня другого, в другое во мне. Дверь из «меня» эгоцентрического (эгоцентрически определенного своим проектом себя) в меня как открытость *другому всему*.

Может ли другой закрыть эту дверь? Он может стать мне тюремной дверью, если той же дверью закрыт от себя. Если человек видел только закрытые двери, он не знает, что они двери и что они открываются. Кто-то должен показать открытость *собой*, тогда узнаешь ее в себе. Кто-то должен стать дверью. Это не проекция себя на другого, а узнавание другой возможности себя в другом через узнавание в нем *другого всему*. Это и не обратная проекция другого на себя (как «примеряют» понравившийся образ). Здесь вообще речь не о «я и другой», а о «я и *другое*». Это не антропология, здесь речь идет о нечеловеческом в человеке.

Почему у Федье (и Хайдеггера) говорится именно о слышании? Здесь дело не в предпочтении именно этой «сенсорной модальности». Слышно *неочевидное*. Сущее отождествляется с видимым (так «феномен» – то, что светится), явным. У Федье «наипервейшая открытость», «первая открытость устанавливается слухом», человеческое существо готово «слушать кого-то... о том, что касается его в первую очередь» [Федье, 2010, с. 65]. Слух открывает *первое*, *principium*, архэ, начало. *Первая философия* у Аристотеля – то, что потом назовут метафизикой и онтологией. «Первая открытость» – открытость бытия и открытость человека бытию.

Слышание заглушается «предварительным пониманием», потому что оно должно расслышать другого меня, не того, которого я знаю, а того, который «момент за моментом должен уметь *быть* постоянно новым образом» [там же, с. 61]. То есть уметь быть так, чтобы своим бытием держать открытым просвет другого всему, держать его возобновляемым усилием («момент за моментом»), не соскальзывая в колею «предварительного понимания», готовых мнений, «фиксированных истолкований» мира. Уметь быть так, чтобы *мочь бытие*, взять на себя бытие-просветом другого всему.

О чем Федье демонстративно умалчивает: в «Бытии и времени» голос *другого* всему в человеке – голос совести. Федье не цитирует главы о совести (он на них намекает, иногда он на грани цитаты, тайным жестом к ним отсылая [там же, с. 37 и 61]), он *обходит* их молчанием: ходит речью вокруг них, речью храня о них молчание, речью, которая не говорит о них, говоря об их неприступности. «Голос друга» – приближение к «Бытию и времени» издалека, и задача здесь не столько приближение, сколько демонстрация удаленности. Хайдеггер далеко, может быть, единственный способ приближения к нему – увидеть, насколько он далеко, и развернуть эту дистанцию. Хайдеггер как будто не приближается, а удаляется в меру приближения к нему. Приближающийся все яснее видит расстояние. Федье демонстрирует эту отделенность и отдельность Хайдеггера этой зоной умолчания, тишины между своим текстом и «Бытием и временем», не позволяя себе просто «излагать» его. Потому что «Бытие и время» – не информация, которую можно изложить и принять к сведению. Оно голос другого способа быть.

Список литературы

Федье, 2010 – Федье Ф. Голос друга / Пер. с фр. О.А. Седаковой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 80 с.

Хайдеггер, 1997 – Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

Heidegger, 1989 – Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (vom Ereignis) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 65 / Hrsg. von F.-W. v. Herrmann. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1989. 510 S.

Heidegger, 1976 – Heidegger M. Zur Seinsfrage // Heidegger M. Wegmarken. Gesamtausgabe. Bd. 9 / Hrsg. von F.-W. v. Herrmann. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1976. S. 385–426.

“I am the Other” (M. Heidegger and F. Fedier)

Yanina E. Manovas

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: yanina-manovas@yandex.ru

The article attempts to reveal the implicit connections between the ideas of F. Fedier’s essay “A friend’s voice” and Heidegger’s philosophy. The phenomenon of friendship is interpreted in the context of the question of being. The nature of the self is double; duplicity is its dimension, it always exists in the process of discerning between “me” and me. There are two kinds of reflexivity: egocentric and non-egocentric. Egocentric reflexivity is directed to the ego as an absolute center. Non-egocentric reflexivity is beyond ego’s sphere and is directed to the Other of everything (the being). In the friend’s voice we can hear the voice of the Other of everything that articulates itself in ourselves; the Other of everything, that is present in ourselves, makes it possible for us to hear it in the friend’s voice.

Keywords: friend, friendship, other, own, being, voice, hearing, freedom

References

Fedier F. *Golos druga* [Friend's Voice], transl. by O. Sedakova. St. Petersburg: Izdatelstvo Ivana Limbacha Publ., 2010. 80 p. (In Russian)

Heidegger M. *Bytiye i vremya* [Being and Time], transl. by V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997. 452 p. (In Russian)

Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (vom Ereignis). In: Heidegger M. *Gesamtausgabe*, Bd. 65, hrsg. von F.-W. v. Herrmann. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1989. 510 S.

Heidegger M. Zur Seinsfrage. In: Heidegger M. *Gesamtausgabe*. Bd. 9, Wegmarken, hrsg. von F.-W. v. Herrmann. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1976. S. 385–426.